

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВНЫЙ
РОМАН

ДАРЬЯ ДЕЗОМБРЕ

ПРИЗРАК НЕБЕСНОГО
ИЕРУСАЛИМА

ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 26

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Дезомбре, Дарья.

Д 26 Призрак Небесного Иерусалима / Дарья Дезомбре. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Интеллектуальный детективный роман).

ISBN 978-5-699-67871-6

Мертвецы всплывают в Москве-реке; сидят, прислонившись к древней стене Кутафьей башни; лежат, четвертованные, на скамеечке в Коломенском... Несчастные были убиты жуткими средневековыми способами, а в чем их вина – знает только убийца. Маньяк, ставящий одну за другой кровавые метки в центре столицы, будто выкладывает жуткий пазл.

По страшному следу идет пара с Петровки: блатная стажерка, выпускница МГУ, с детства помешанная на маньяках, и опытный сыскарь, окончивший провинциальную школу милиции. Эти двое терпеть не могут друг друга, но идеально друг друга дополняют. Только им под силу расшифровать ребус, составленный убийцей и уходящий своими корнями в древнюю Москву, в старые раскольничьи тексты, в символику Святого Писания. Психологический триллер, полный неожиданных поворотов, погружает в атмосферу шумного мегаполиса, в котором жестокий убийца вытаскивает на поверхность древние пороки столицы, ее страшные тайны и мистическую символику, зашифрованную в хаотичном сплетении старых улиц, переулков и площадей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дезомбре Д., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-67871-6

Mame

«Искание правды, неутолимое русское стремление строить жизнь с Богом и по-Божьи, взыскание Града Божия, Китеж-Града, скрывавшегося от зла, разве пропало в нас? Не вы ли его искатели, этого Града Божия, потерявшие «град родимый», ныне трудящиеся во имя Града?»

И. Шмелев

«Тот, кто борется с чудовищами, должен остерегаться того, чтобы самому не стать чудовищем».

Ф. Ницше

ПРОЛОГ

5 месяцев назад

Холод, какой же все-таки холод! Катя по прозвищу Постирушка, бомжиха со стажем, зябко поежилась. Она не любила площадей, а эту — в особенности. Чувствовала себя на ней одинокой и маленькой, беззащитной перед возможной опасностью. Себе говорила, что слишком уж много тут шляется ментов, но каким-то животным инстинктом чужая: опасность таится сверху. Стоишь на выпуклой твердыне рядом с Лобным местом и будто сама предлагаешь себя беспощадным небесам.

Оглядевшись, Катя стала себя корить: и чего приперлась? Иностранцев, с которых можно было бы снять сто рублей, — кот наплакал. Рано еще. Даже работники ГУМа не подтянулись. Только какие-то курсантики на другой стороне догуливают «ночное» — но с этими что разговаривать?

А холод, какой все ж таки холод! И ветер гуляет, и такое чувство одиночества в этих утренних тоскливых сумерках, что Кате захотелось срочно принять на грудь. Однако денег не было и не предвиделось.

Как вдруг... как вдруг показалось Постирушке, что Боженька сверху погрозил ей пальцем и сказал нечто вроде: раба Божия Катерина, прах ты, конечно, и тлен... Но так и быть — вот тебе от меня сувенир!

Недалеко от оградки Покровского собора лежал большой красивый пакет с логотипом ГУМа на белом боку. Катя аж задрожала от нетерпения: в пакете был, точно был, боженькин подарочек! Она повернулась к храму, перекрестилась благодарственно и поспешила к «подарочку». Внутри лежало нечто, обернутое белой бумагой в коричневых пятнах. Катя на пятна внимания решила не обращать и, не снимая продырявленных перчаток, разорвала обертку, высвободив сначала нечто продолговатое, белесое, в черных волосках, а потом и судорожно сведенные пальцы, с синими ногтями, сжимающие небольшую картину. Так, картинку: темная деревня, странное, чересчур отдающее ультрамарином небо, корова с человеческими глазами, глядящими прямо Кате в душу...

Несколько секунд у нее ушло на осмысление, что перед ней. А потом она закричала, на выдохе, как спела, протяжное:

— Ааааа!

И упала ничком на мощеную многовековую кладку Красной площади, успев отметить перед провалом в черное небытие, как к ней спешат двое полицейских...

МАША

Маша проснулась за пару минут до звонка будильника и некоторое время лежала с открытыми глазами, неподвижно уставившись на стену напротив. На стене, занавешенной любимым папиным турецким ковром, застыл квадрат солнечного света, отчего часть ковра казалась цвета еще более яркого, пламенеющего, а часть — густого темного кармина с черным орнаментом и вкраплением голубого.

Над ковром висела полка с детскими книгами, которые Маша отказывалась отдавать, потому что втайне от матери читала иногда по пять-десять страниц, вытаскивая в любое время наобум какой-нибудь из затертых корешков и открывая на произвольной странице. Иногда это был сэръ Конан Дойль, иногда Джейн Остин или одна из сестер Бронте. Прочитать почти заученные наизусть родные страницы было тем же, чем для других — просмотреть с ностальгической улыбкой альбом с детскими фотографиями. А вот альбомы Маша смотреть как раз таки не любила. Тяжкое было занятие. Фотографии до двенадцати лет — потому что на них был папа. Фотографии от двенадцати и старше — потому что папы на них не было.

За стеной послышались шорох и придыхание, и Маша, как всегда, инстинктивно от стенки отодвину-

лась. Ей казалось отвратительным прикосновение — пусть даже через стенку — с тем действием, которое ее мать, всегда выбиравшая четкие определения для всего и вся, называла с какой-то фальшивой приторностью «избавлением от одиночества». Насколько Маша могла услышать — о эти некапитальные стены! — процесс избавления от одиночества у мамы происходил пару раз в неделю. И в эти моменты Маша чувствовала себя не выпускницей-краснодипломницей, умницей и почти красавицей, а девочкой, забытой на перроне и растерянно смотрящей вслед уходящей электричке.

Это было очень неприятное и унижительное чувство. Глупо было обвинять чужого человека, что мылся у них в ванной и варил по своему, особому рецепту кофе на их кухне, что он — что? Занял место папы? Или что он — просто — не папа. Да, вот так. НЕПАПА. Непапа чувствовал Машин антагонизм и, как медик и человек с высшим психологическим, находил для Маши оправдания перед мамой, в душу не лез и дарил дурацкие подарки: например, этот будильник, проигрывающий каждое утро такты из джазовой композиции Глена Миллера.

Будильник взорвался оптимистичным проигрышем, и Маша мстительно дала ему доиграть до конца. В наступившей тишине в соседней комнате шорохи тоже сошли на нет. Маша усмехнулась и потянулась: Глен Миллер, он — как Непапа. Отличный джазист, но не каждое же утро! Маша забрала с прикроватного столика часы, буднично кивнула фотографии на стене — мужчине с вытянутым, тонким лицом и ироничным прищуром, чья начинающаяся лысина делала лоб еще более высоким.

«Доброе утро, папочка, — сказала Маша. — Почему же ты дал себя убить?»

АНДРЕЙ

В первую секунду Андрей чуть не заорал благим матом от страха, пока не сфокусировал взгляд и не понял: огромная лохматая вонючая морда — не предмет его страшных снов. Но предмет обуйавшей его вчера недостойной жалости.

Он возвращался, как обычно, около одиннадцати с Петровки, уставший сам как собака, и остановился купить хлеба в поселковом круглосуточном ларьке. Пес сидел у ларька и остервенело чесался. Пока Андрей распивал у ларька же честно заслуженную после работы бутылку «Балтики», они с псом побалакали. Вкратце — Андрей обрисовал парню свою аналогичную собачьей жизнь. Свое суровое мужское одиночество и общую брезгливость к «дамочкам» (с псом он выражений не выбирал, пес и сам знал, как называются у них особи женского полу), работу на износ и еду по забегаловкам... Поделится и геройским своим вчерашним выходом в кулинары — он зажарил себе из полуфабрикатов десяток котлет, которые и сегодня можно подогреть в микроволновке...

Вот это и оказалось стратегической ошибкой. Пес был не дурак: по крайней мере, про мужскую судьбу он все выслушал понимающе и с достоинством, но вот котлеты... На котлетах псина сломалась: глаза заблестели в летних сумерках особенно жалостливо, хвост забил по растрескавшемуся асфальту, и подобревший после «Балтики» Андрей сам же его и пригласил — решил пожертвовать бедолаге одну котлету. Мужики должны ж друг другу помогать!

Ну-ну. Пес его планов не разделял, а по-хозяйски потрусил за ним на кухню — темный закуток за веран-

дой — и там смотрел глазами казанской сироты до тех пор, пока не съел пять котлет. Причем, граждане, даже не разжевывая, как приличная собака, а так, с горловым звуком, глотал целиком.

— Надо жевать, — говорил ему Андрей, давая следующую. — У тебя так ничего не усвоится (так говорила Андрею мама, когда еще следила за его питанием).

Но нет — ритм был неизменен: взгляд сироты — бросок ЕДЫ — горловой звук — снова взгляд сироты. Андрею самому пришлось глотать почти целиком оставшиеся котлеты, чтобы не достались хитрой тощей бестии, бьющей на жалость.

— Актеришка недоделанный, — говорил Андрей, попивая чай, когда собака поняла, что мяса больше не осталось, а «Липтон» был явно вне ее компетенции: жалостливый блеск в глазах угас, и она легла рядом со старым, продавленным диваном. — Даже и не думай — спать у себя не оставлю. — И Андрей хотел было вытащить пса за шкирятник. Но тот выскальзывал из пальцев, а когда Андрей попытался вытолкнуть наглеца ногой, тут на свет божий опять был извлечен взгляд несчастного страдальца, и Андрей сдался, плюнул и со словами «Черт с тобой, Раневская фигова!» прикрыл дверь из веранды в комнату и залег спать.

А наутро «Раневская», очевидно, сумела открыть лапой дверь. Андрей чертыхнулся, вышел на крыльцо, где висел рукомойник, и умылся. Автоматически снял с гвоздика рядом вафельное полотенце и тут же повесил обратно. Полотенце приобрело уже столь откровенный серо-черный оттенок, что использовать его не представлялось возможным. Андрей строго сказал себе, что надо, надо уже постирать накопившееся белье, и сел на веранде, включив чайник. Пока чайник за-

кипал, он взял вчерашнюю кружку из-под чая, засыпал туда молотого кофе, положил пару кусков сахара, порезал хлеб... и наткнулся на собачий взгляд. «Бедновато живете!» — говорил этот взгляд.

— Не нравится — можешь чесать отсюда, Раневская! — рявкнул Андрей. С утра настроение было неважнецким, а тут он еще вспомнил, что забыл вчера за разговорами с псом купить сыру к завтраку.

Раздался звонок мобильного. Андрей выслушал и тихо выругался. С утра, как уже отмечалось, настроение было неважным. И надо сказать, вырисовывающийся день не сильно способствовал его улучшению.

МАША

— Урсоловича нет! — так сказала Маше раздраженная секретарь в деканате. — Звонить надо было.

— Так ведь расписание... — Маша растерянно топталась рядом с секретаршей, уже поняв, что зря ехала через весь город.

Спускаясь по лестнице, она ругала себя на чем свет стоит. Урсолович подчинялся лишь расписанию лекций. Все, что фигурировало как «работа со студентами», в расчет не бралось. У Урсоловича и кроме дипломников было чем заняться. Маша поначалу очень гордилась тем, что он согласился быть ее научным руководителем, но летели недели, месяцы, и появилась крамольная мысль, что чуть менее именитый преподаватель, чуть менее занятый написанием учебников, статей и конференциями в Принстоне, подошел бы ей много больше. Поскольку диплом она писала вовсе не для преподавателя, не для оценки, не для...

Маша резко затормозила: открытая дверь университетского буфета давала возможность увидеть окромя скучающей буфетчицы сторбленную спину Урсоловича за дальним столиком у окна. Маша решительно завернула в буфет и направилась прямо к профессору.

— Извините, — сказала она, подойдя к столу. — Нигде не могла вас найти.

Урсолович повернулся к ней оттянутой бутербродом щекой. Сказал: «Озьми себе чау» — и отвернулся.

Маша послушно взяла чай и булочку и пришла обратно, с тоской думая, что за нарушение трапезы Урсолович сейчас «приговорит» ее, как еще одного студента, взятого в «дипломники». Студент тогда вышел из кабинета весь белый, с трясущимися руками и, роняя листки, все исчирканные красным, почти бегом удалился по коридору.

— Не могу есть, когда рядом кто-то просто сидит и смотрит, — сказал ей Урсолович, когда она приземлилась на соседний стул.

Залез в потертый портфель, достал знакомую до боли Машину папку с текстом диплома. И, кое-как вытерев руку бумажной салфеткой, стал листать страницы. Маша обхватила побелевшими пальцами чашку с чаем, как будто ей срочно потребовалось отогреться. Поля были девственно чисты.

— Хорошая работа, Каравай, — сказал он наконец, подняв на Машу близорукие глаза почти без ресниц. — Тянет, при нужной обработке, на кандидатскую. Но ведь в науку ты идти не собираешься, так?

Маша, не отпуская чашки, отрицательно помотала головой.

— Но, видишь ли... — Урсолович откинулся на стуле. — Тема весьма нетривиальная, я бы сказал, специфическая.

Урсолович все так же не спускал с Маши внимательных глаз, и Маше внезапно стало не по себе, а он продолжил:

— Ты знаешь о... кхм, предмете исследования больше, чем знаю о нем я. Да что там: больше, чем кто-либо, думаю, в этом заведении. Такие знания, — и он постучал по папке, — нельзя добыть за год подготовки. И за два нельзя. Можно, если заниматься этим минимум лет пять. Я повторяю — минимум. Это значит, что тема уже была в твоей головке при поступлении на юридический. А теперь скажи мне, дева моя, что в ней такого привлекательного для юной особы двадцати трех лет?

Маша почувствовала, как жаром обдало щеки. А Урсолович вдруг перегнулся через стол и тихо сказал:

— Не поверила, значит?

Маша впервые подняла на Урсоловича глаза, и тот внезапно вспомнил, какого цвета они были у Федора: вот такого же, светло-светло-зеленого, редкого и очень холодного. Она вообще была ужасно на него похожа: те же высокие скулы, крупный, красиво очерченный рот. И взгляд, тоже — «караваевский»: будто глядящий вовнутрь, а не вовне, отслеживающий беспрестанную работу ума.

— Послушай, — зашептал он, хотя рядом никого не было. — Кто бы это ни был, отойди! Не трать свою жизнь на то, чтобы понять! Это знание ничего тебе не даст, а главное — Федора не вернет!

Маша вздрогнула, а Урсолович как оборвал связку взглядами, закрыл папку и сказал совсем другим тоном:

— Остался у меня по работе ряд вопросов и претензий, скорее по структуре. Найдешь их на листке, прикрепленном к библиографии. Все, можешь идти.